

Нити / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Нити / рассказ НИТИ

«Юрик совсем на тройки скатился. Последний класс. Куда он со своими оценками поступит? Ему плевать на будущее. Я в его возрасте не такая была. К чему-то стремилась. У него это началось, как мы с Гошей расстались. Интересно, какой бы он был...».

Загорелся и замигал на светофоре зеленый. Вика осторожно перешагнула снежную слякоть у бордюра и ступила узконосым замшевым сапожком на проезжую часть.

Думая о сыне, Вика ощущала тревогу, от которой вставал в горле острый ком. Это было неприятно, и Вика переключилась на другое. «После парикмахерской зайти на почту. Продуктов купить. Черт, список на столе оставила. Творог не забыть, завтра сырников сделать. Пилку электрическую для натоптышей. Стара я уже на каблуках ходить».

Она смотрела под ноги, обходя серую клейковатую жижу и увиливая от столкновения со встречными пешеходами. Слева завизжала женщина. Вика оглянулась. На нее неслась серебристая машина с хищно расставленными фарами, между которыми блеснул перечеркнутый логотип. Вика увидела вытянутое в безмолвном крике лицо водителя. «Не старше Юрика», – подумала она. Удар подбросил ее, перевернул, швырнул на капот и выкинул под колеса. Водитель затормозил, но машину протащило еще несколько метров, увлекая колесами мертвое уже тело.

Вика стояла на другой стороне дороги рядом со светофором и смотрела на сбитую женщину. Тело было изуродовано: голова вывернулась назад, лицо залито кровью, руки, раскинутые в стороны, похожи на крылья. С одной из ног слетел сапог. Вика недавно купила себе такие же, замшевые с острыми носами, на

тонких высоких каблуках. Как такой узкий сапог мог слететь с ноги? Вика посмотрела на лицо мертвой женщины и брезгливо отвела взгляд. Стало жаль ее, только что была жива, и, наверное, даже не думала, что все закончится. «Интересно, что станет с телом?» – подумала Вика.

Кто-то кричал: «Вызовите скорую! Скорую, срочно!». Кто-то уже вызывал. Водитель – белобрысый ушастый парень с бледным лицом, вышел из машины и смотрел на мертвую женщину. Его застывшая фигура показалась Вике мертвее лежащего на асфальте тела, которое в силу своей неестественности будто лишалось всего человеческого и переходило в класс вещей. Водитель шептал: «Это неправда! Не может быть! Господи, что же я натворил? Не может быть, неправда», – но губы его почему-то не шевелились.

Приехала скорая и полиция. Водителя увели в полицейскую машину. Вика хотела было последовать за ним, но мертвое тело казалось интереснее. Какое-то непонятное любопытство приковывало ее к труп неизвестной женщины. Тело неловко укладывали на носилки, грузили в скорую, везли, накрытое салатовой простыней, по вечерним пробкам. Вика видела все из салона скорой и как бы сверху, одновременно снаружи и изнутри. Все было в легкой дымке, будто где-то пожар, и дымом заволокло воздух. Но запаха не было. И Вика не могла понять, снится ей сон или все взаправду.

Вика проснулась раньше будильника. Или будильник не звонил? Она не могла вспомнить, какой сегодня день, выходной или рабочий. Посмотрела на календарь в часах. Четверг двадцать четвертое ноября. Рабочий.

Вика вскочила и поняла, что чувствует себя непривычно. В каждом движении, в каждой мысли были легкость и чистота, кристальная ясность в окружающих предметах. Вика будто трогала их взглядом. Постельное бирюзовое белье лежало крупными выпуклыми складками, дверца шкафа казалась рельефной под слоем лака: древесные линии жизни и янтарная глубина, переход из темно-коричневого в светло-серый. Репродукция Матисса светилась: танцовщицы будто выдвинулись из полотна, мускулы их

красных тел переливались, доставляя телесную радость Вике, будто это она сама несется в хороводе на зеленом лугу посреди синего неба. Даже пыль на мебели была чем-то удивительным: бархатистая, ощутимо-мягкая.

За окном над крышами начиналась мистерия, всходило Солнце. Ширилась оранжево-пурпурная линия рассвета, приоткрывая завесу в иной мир, из которого уже выглядывало красное остекленевшее со сна око. Вика засмотрелась, чувствуя себя не столько зрителем, сколько частью всего.

Наконец она оглядела себя. Одета в ночную рубашку, она выглядела как обычно, но тела не чувствовала. Не было привычных тянущих по утрам ощущений, от которых с возрастом все сложнее избавляться: не болела поясница, не ныл низ живота, в голове не пульсировал отдаленно нерв. Тела будто не было. Совсем как в молодости, когда она этого еще не ценила. Теперь Вика понимала, какое счастье – тело не ощущать, не чувствовать постоянно его ноющей боли.

«Может я была в каком-то удивительном спа, из которого вышла обновлённой и легкой?» – подумала она.

Вика улыбнулась и открыла дверь ванной. Хотелось посмотреть на свое лицо, может быть и оно каким-то чудесным образом изменилось после процедуры, про которую Вика не помнила. Краем глаза она заметила на краю стиральной машинки синий стакан с зубными щетками, показалось, что задела его локтем. Вика дернулась, чтобы поймать, но стакан стоял на месте. «Странно», – она подошла к раковине, посмотрела в перламутровое зеркало. В нем отражались кафельные стены ванной комнаты, полосатая шторка из Икеи, дверь. Вики не было. Она поднесла к зеркалу руку и помахала. Отражения не было. Вика потрогала свое лицо, все было ощутимо: нос, лоб, щеки. А в зеркале пустота. Вика попробовала включить воду, взялась за кран, но пальцы прошли сквозь металл и встретились друг с другом. Вика попыталась еще раз, но рука снова прошла насквозь. В ужасе Вика хваталась за все предметы: зубные щетка, раковина, крем, ополаскиватель для рта – ничего из этого больше не являлось материальным.

В ванную зашла бывшая свекровь. Откуда она?

– Зеркало надо занавешивать, когда покойник, – раздраженно сказала она кому-то. Вику она не заметила, и тянулась, пытаясь зацепить наволочкой край зеркала сверху. – Да, Господи ты боже мой, – выругалась она.

Вика вышла из ванной. На кухне сидели Юрик и его отец. Позы были напряженными, будто что-то давило на них.

– Что будешь делать, сын?

– Не знаю, – Юрик пожал плечами.

– Гошенька, пойди помоги мне, – раздался из ванной голос свекрови.

Юрик остался один. Худые подростковые плечи его были опущены, он сидел ссутулившись, низко опустив голову. Вика подошла и обняла сына. «Почему я ничего не чувствую. Абсолютно ничего. Я – урод. Моральный урод. Пластиковый, как пакет. И все как будто нереальное. Может, она просто уехала. Сейчас откроется дверь, войдет и скажет: «Снусмумрик, чего сидишь? В школу опаздываешь».

Вика поняла, что слышит мысли сына.

– Снусмумрик, – ласково позвала она. Он не откликнулся, даже не обернулся. – Я здесь, я не уехала! – она погладила его по голове, но он не обратил внимание. Какая-то страшная догадка зашевелилась в ней неприятным холодным беспокойством.

Вошел отец Юрика.

– Ну что сын, надо решить, когда переедешь.

– Не собираюсь никуда переезжать, – тихо, враждебно сказал Юрик.

– И что, будешь один жить? – Георгий испытующе посмотрел на сына. – Ты пока несовершеннолетний. И я не могу позволить ...

– Ты потерял право позволять, когда развелся с мамой.

– Зачем ты так?

– Как?

– Ты не знаешь, что такое, жить с женщиной, которая всегда несчастна.

– Она не была несчастной.

– Ты не знаешь ее как я.

В Вике поднялось почти забытое, но хорошо знакомое, как вкус овсянки, чувство, которое она испытывала к бывшему мужу. Жалость и презрение, которые, поворачиваясь разными сторонами, то умиляли, то раздражали Вику. Она так четко ощутила сейчас эту двусторонность чувства, из которого лепилась ее любовь.

Вика всмотрелась в бывшего мужа. Что такого он знал о ней, чего она не знала сама?

Она попыталась прочесть его мысли, но вместо этого почему-то перенеслась в прошлое. Воспоминания казались живыми, будто она снова переживала их.

Они сидели на кухне по разные стороны стола и старались не смотреть друг на друга. Вика бессмысленно водила пальцем по столешнице и наблюдала, как расплываются от слез, застилавших глаза, древесные линии жизни. Она мучительно обдумывала все снова и снова, пытаясь найти выход из капкана, в который они оба попали, выход, от которого не будет больно. Она посмотрела на мужа. Он сидел растерянный и ошеломленный.

– Я не вижу способа, как мы могли бы склеить все, – устало сказала Вика. – Я больше не могу так. Я хочу развода.

– Хорошо. Давай разводиться.

Вика посмотрела на него испуганно, лицо ее сморщилось, потекли слезы. Несмотря ни на что, она все же надеялась, что он станет умолять, поклянется, что любит только ее. Ей хотелось от него признания, что она – смысл его жизни. Но он в этот момент (и сейчас, вспоминая, Вика ясно поняла это) взвешивал на внутренних весах детей: пятилетнего Юрика, который через год-два пойдет в школу и нерожденную еще Олю, которой была уже беременна его любовница. Если бы на этих весах оказался вместе с Юриком второй ребенок, их семья перевесила бы, и муж остался. А так выходило, что он больше нужен там.

Вглядываясь в свое прошлое, Вика видела, что логика мужа была менее эгоистичной, чем ее. Глупо было требовать от него какого-то особого отношения, другой любви кроме той житейской заботы, которую он мог дать ей как матери своего ребенка. Ему тоже больно было расставаться, не так, конечно, как ей, когда казалось, что отрываешь часть себя, но все же. Она увидела в муже того растерянного мальчика, которого одновременно презирала и любила, мальчика, который старается измерить мир линейкой, подвести статистическую основу под хаотические события мира, чтобы упорядочить его. Этот мальчик боялся женщин, как проявления непостижимого хаоса, не поддающегося линейке. Поэтому он всегда в конечном итоге отдалялся от женщины, боясь чего-то непредвиденного и абсурдного, как, например, ее аборт. А она, что сделала она, чтобы помочь ему разобраться? Ничего. Она только подтвердила его опасения, только доказала его страхи. Вике стало так горько от того, что она не смогла понять мужа. А сына? Понимала ли она Юрика когда-нибудь?

Вика оказалась рядом с Юриком. Он сидел в своей комнате и играл в приставку. Вика посмотрела на экран. В игре кто-то бегал вокруг деревянного дома, огороженного низким забором. На него время от времени кособоко шли зомби: мужчины с отвалившейся челюстью или однорукие женщины с одинаковыми лицами. Юрик стрелял по ним из винтовки, прицеливаясь в голову. “На тебе, тварь! На!” – комментировал он. Если кому-то из них удавалось приблизиться, в руке у Юрика появлялся топорик, которым он с хрустом бил по голове зомби. Красные брызги летели в разные стороны. Юрик командовал: “Сдохни, сдохни, я сказал!”

Картинка вдруг стала мигать, откуда-то сбоку полезли зомби. Все погасло, сменившись заставкой «Game over».

– Блядь! – выругался Юрик и бросил джойстик на пол.

– Сынок, зачем так ругаться? – укорила его Вика, но он не обратил внимания.

И вдруг заплакал. Тело его вытянулось, кулаки сжались. Юрик

застонал. Вика почувствовала, как напряглись мускулы в его теле, будто их свело судорогой.

– Сынок, Юрик! Ну что ты? Тихо, тихо. Снусмумрик мой! – она обняла его, прижала к себе, испытывая любовь, от которой заболело сердце. Хотелось накрыть его собой, как в детстве, когда маленькое тельце можно было спрятать от мира одной рукой.

Юрик упал на бок, поджав к груди ноги и лежал неподвижно в позе эмбриона. Из глаз лились слезы. Он рыдал, вздрагивая худым телом.

– Мамочка, мама. Как я без тебя?

– Я здесь. Рядом. Тихо, тихо, мальчик мой, мой Снусмумрик. Я люблю тебя. Я с тобой.

Казалось, это подействовало. Юрик понемногу успокаивался. Теперь он просто лежал, уже не плача, а только всматриваясь внутрь себя в поисках ответа на обычный для всех людей, переживающих горе, вопрос. «За что?»

В заднем кармане его джинсов завибрировал телефон. Он достал его и провел по экрану пальцем.

«Завтра появишься? Будет тест по русскому, предварительный перед ЕГЭ», – было в сообщении от Лары.

«Нет», – ответил он.

«Тебе наверно херово, но мы тут все мысленно с тобой. Держись»

«Идите нахер», – набрал он, но не отослал, а положил телефон рядом с собой на край дивана.

Вика вслушалась в его мысленный обрывочный монолог.

«Блядь, еще этот ЕГЭ. Похуй. Какая разница. Все равно теперь идти работать. Урод... Ублюдок! Тварь! Его придушить надо. Повесить, посадить на электрический стул. Бля! Нахер. Нахер. Надо просто как-то пережить это!»

Юрик стал думать про школу, и в его мыслях появился образ девушки Лары. Вика уловила какое-то щемящее томление, связанное с ней.

Раздался телефонный звонок. Звонил домашний. Юрик нехотя встал и поднял трубку.

– Алле!

– Здравствуйте! Вы – Самойлов Юрий? Отец погибшей.

– Сын.

– Ой, простите. Я из морга. Сегодня будет судмедэкспертиза, а потом можно забрать тело. Когда вы планируете?

– Судмедэкспертиза уже прошла?

– Нет, вот-вот будет. Тело потом сразу забрать надо. А то придется опять в холодильник. Заберете сегодня?

– Я... Не, не знаю. Этим не я занимаюсь. Жена отца.

– А! Можете у нее уточнить и перезвонить мне по телефону. У вас определился?

– Да.

– Отличненько. Тогда жду.

Вика смотрела, как сын положил трубку и стал набирать с мобильного номер отца. Она лихорадочно сопоставляла услышанное: Юрик – сын погибшей, жена отца занимается мертвым телом. Тело матери Юрика. Чье тело? Ее?

Как только Вика подумала про свое тело, она оказалась в другом месте.

Грязная казенная комната, на стенах белая плитка в сколах и трещинах. В потолке зияют темные дыры от выпавших кусков штукатурки. Грязный пол. Несколько облезлых металлических кушеток. На двух лежали мертвые тела, похожие на восковых кукол. Вика всмотрелась в женское и с трудом узнала себя. Она была голая и как-то распухла. Тело лежало выгнутое влево, сильно вдавлен внутрь правый бок. Голова неестественно задрана.

«Какие уродливые мозоли», – подумала Вика, осматривая свои ступни. Между раздвинутых ног контрастно выделялись и притягивали внимание темные волосы на желтовато-белой коже. «Прикройте меня, – попросила неизвестно кого Вика. – Это же стыдно так лежать. Прикройте меня! Прикройте! Прикройте!» –

просила она, чувствуя, что лишается сил, но не могла отвести взгляд. Она смотрела и беззвучно плакала.

В комнату вошли трое. Две женщины в белых халатах с отеками бледными лицами, и выбритый до синевы мужчина в костюме и небрежно наброшенном на плечи халате.

– Что тут у нас, дэтэпешечка? – весело спросила женщина, натягивая перчатки. Она была выпивши, и часто встряхивала мелкими кудрями, откидывая назад челку.

– Мг, угу – пробубнил мужчина.

– Который. Так. Эта. Чей-то ее уже раздели.

– Я в акте про одежду потом напишу, – оправдывалась вторая, серьезная и молодая, стараясь держаться трезвой. – Чтобы товарища не задерживать.

– Зафиксировала?

– Конечно!

– Понятых еще долго ждать?

– Начинайте. Все ж понятно, – сказал мужчина, безглаголиво озираясь.

– Ну окей. Тамарк, пиши. Наружный осмотр. Ага, про одежду, значит, напишешь. После снятия одежды обнаружено: труп женского пола, правильного телосложения, хорошего питания, длиной 167 см. Трупные пятна, расположенные на задней и боковой поверхностях туловища и конечностей, выражены слабо. На голове русые волосы длиной до 50 см. Лоб прямой, покатый кзади. В области лба многочисленные ссадины темно-красного цвета, в области левой надбровной дуги ссадина буро-красного цвета, брови густые светлорусые, правая щека в многочисленных кровоподтеках.

Женщина все говорила и говорила, но Вика не слушала. Она оглохла от ужаса. Тело, которое она лелеяла, о котором заботилась столько лет, оказалось ненужным куском мяса, изуродованным мешком потрохов. Она – живая, а тело – мертвое. Кто она теперь?

Неизвестность накатывала на нее волнами ужаса. Но еще больший

страх Вика испытывала от того, что не помнила своей смерти.

– Можно не вскрывать, и так ясно. Смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы и перелома позвоночника.

– Вскрывать надо, – равнодушно сказал мужчина.

– Ну надо так надо. В заключении что пишем? Сбила машина?

– Мг-угу, – подтвердил мужчина.

И Вика вспомнила. Вспомнила, как загорелся и замигал на светофоре зеленый свет. Как она осторожно перешагнула снежную слякоть у бордюра и ступила на проезжую часть. Как неслась на нее серебристая Вольво. Вспомнила лицо парня за рулем. Удар о капот. Кувырок в воздухе. Хруст костей. И как она, уже с другой стороны дороги, смотрит на мертвую изуродованную себя.

Это воспоминания захватили Вику с такой силой, будто она снова пережила их, но теперь находилась в ясном сознании, ощущая каждую сломанную косточку, разорванный мускул, содранный лоскут кожи. Боль казалась невыносима даже теперь, когда тела, чтобы чувствовать, у Вики не было. Она не могла больше вынести это, и сознание ее погасло.

Вика проснулась без звонка будильника. Какой сегодня день? Посмотрела на календарь в часах. Пятница 25 ноября.

Вика встала, зашла в ванную и увидела наволочку, накинутую на зеркало. Перед глазами пронеслось воспоминание: светофор, бордюр, вольво, лицо, удар и боль, БОЛЬ! БОЛЬ! БОЛЬ! БОЛЬ! БОЛЬ! БОЛЬ!

«Нет! Нет! Нет!» – она обхватила голову и зажмурилась, стараясь заставить себя забыть. Но с закрытыми глазами картинки становились еще ярче. Она осмотрелась в поисках зацепки, которая отвлечет и вытянет из воспоминаний. Апельсин. На краю раковины лежал апельсин. Он поразил Вику своим насыщенным оранжево-красным цветом, ноздреватой влажной поверхностью и необычайно-притягательным ароматом. При жизни Вика никогда не думала, что можно так сильно захотеть апельсин. Вика представила, как подносит к носу и вдыхает

запах пористой кожуры. Рука прошла сквозь оранжевую поверхность. Вика вспомнила, что бесплотна. Это было непривычно. Она наклонилась, чтобы вдохнуть запах, и вдруг вспомнила, что на лобовом стекле, под зеркалом серебристой Вольво болтался ароматизатор – круглый оранжевый апельсин. Он раскачивался и подмигивал нарисованным глазом. Под ним было лицо водителя, вытянутое и испуганное. Его глаза расширялись от ужаса, и затягивали Вику, как две темные страшные воронки.

Его звали Макар. Вика прочла это в мыслях его матери, с которой он жил в однокомнатной квартире в хрущевке на втором этаже. Вика видела заросший липами двор, дом с высоты птичьего полета, стаю ворон, которая кружила над мусорными баками, и убогую аккуратную обстановку квартиры. Лишившись тела, Вика могла наблюдать пространство одновременно с разных сторон.

Макар сидел на диване в комнате и листал в телефоне ленту фейсбука. Это был обычный молодой человек, на три года старше Юрика. Мысли Макара, придавленные отчаянием, устало крутились вокруг суда, института и несчастного случая. Он будто старался вызвать у себя чувство вины, желая мысленно наказать себя за смерть неизвестной и, в общем-то, безразличной ему женщины. Его подсознание услужливо прятало воспоминания, и уже трудно было восстановить последовательность событий. Лишь несколько стоп-кадров застряли в уме: ее удивленное лицо, удар и подлетевшее вверх тело, запрокинутая голова и нога без ботинка. Эти кадры пугали, и Макару хотелось поскорее вычеркнуть их из памяти.

Вика тоже не хотела смотреть эти мысли в голове Макара, боялась, что они затянут ее в переживание смерти. Она переместилась на кухню, где мать Макара, женщина пятидесяти девяти лет, полноватая, растрепанная, с напряженным скорбным лицом, что-то готовила, стоя у плиты. Она думала о сыне, которого скорее всего посадят на пять или семь лет. Доживет ли она? И что будет с ним там, с ее домашним мальчиком, который привык к паровым котлетам. Она растила его одна, для себя, как отраду и смысл жизни, опору на старости лет. И вот

вырастила. «Надо продать квартиру и дать взятку в суде, – думала она. – Но адвокат сказал, не поможет, много свидетелей, что он ехал на красный свет. Боже мой, боже мой!» Вика почувствовала, как в груди у женщины сдавило, как перехватило дыхание. Женщина несколько раз икнула, хватая ртом воздух, села на стул и потянулась к пачке таблеток. Вике стало жаль ее, эту несчастную, одинокую бабу, родившую в сорок лет от случайной связи. У нее был только один родной человек, и теперь его посадят.

Вика увидела Макара и Юрика одновременно. Будто оба они были теперь ее сыновьями. «Как это тяжело, – думала она, – выносить, родить, воспитать. Сколько сил, сколько сил».

Она вспомнила, как шла босая, держась за большой живот, по пустому ночному коридору.

– Помогите, рожаю! – гулко звала Вика кого-нибудь.

Из ординаторской выглянула угрюмая медсестра.

– Куда поперлась? Иди в палату, сейчас доктора позову.

– Мне в родильное надо.

– Доктор скажет, тогда пойдешь. Возвращайся в палату.

Вика ощутила, как хлынуло по ногам теплым.

– Твою ж мать, – повеселела медсестра. – Ладно, пойдем в родильное.

В родильном Вика оказалась одна. За окном была ночь. Падали крупные хлопья снега в свете фонаря. Между схватками Вика так ясно и четко ощущала все вокруг себя, почти точно так же, как теперь, после смерти. Она чувствовала спящий город, и самое себя, как пространство, через которое приходит в мир ребенок. А потом накатывала новая волна схватки, и сметала болью всякое понимание и осознание себя. Неумолимость накатывающих волн обескураживала Вику. С ней происходило нечто, что невозможно было ни контролировать, ни остановить. Это свершалось независимо от ее воли. Следствие неумолимо следовало за причиной, как эта боль, которая растворяла сознание, оставляя только ужас и желание спрятаться от света, несущего эту боль. А потом лицо сына. Маленькое, сморщенное, скопированное с ее лица. Эти серьезные умные глаза. Вике казалось, что он все понимает. Она увидела такую надежду и страх в глазах сына, что

все внутри нее устремилось к беззащитному существу, которое безраздельно, невыносимо ее любит, надеется на нее. Такое доверие нельзя обмануть. Это сильнее всего другого, сильнее любви к мужчине, сильнее любви к себе. За это все прощаешь, даже неумолимую причинно-следственную связь.

Вика вынырнула из воспоминаия оглушенная. Как она могла это забыть? Самое сильное переживание ее жизни. «Наверное, сейчас я могла бы вспомнить свое собственное рождение, – подумала Вика, и тут же уловила отголосок такой боли и ужаса, что поспешила отвернуться от воспоминания. Откуда-то Вика знала, что оно неизбежно ее настигнет. Но сейчас еще была возможность сбежать.

Вике хотелось вернуться к Юрику. Теперь, когда она вспомнила момент его рождения и тот взгляд, которым он посмотрел на нее впервые, сердце ее мучительно и сладко заняло, стремясь к сыну. Но было что-то другое, другая боль, непонятная, которая удерживала ее здесь, притягивая к Макару. Нечто тревожившее, тягостное, что требовало разгадки. Вика почувствовала, что связана с Макаром нитью, которую, казалось, можно явственно ощутить. Она сконцентрировалась и пошла за ней.

Она оказалась в комнате. Рядом стояла молодая медсестра и протягивала стопку белья.

– Переодевайтесь и пойдете. Доктор уже в операционной.

В комнате, где ее ждали, было холодно. Вика, одетая только в одноразовый медицинский халат, мерзла.

– Ложитесь, – девушка показала на кушетку с гинекологическими подставками для ног.

В комнате было двое мужчин и еще одна женщина. Никто не смотрел на Вику. Она влезла на кушетку, но стыдилась раздвинуть ноги.

– Кладите сюда, – попросила ее медсестра, показывая на подставки. Вика положила. Руку ее перетянули жгутом, над ней нависло доброе мужское лицо:

– Считай от десяти в обратном порядке.

– Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять...

– Она уснула. Можно начинать.

Вика смотрела со стороны на свое молодое, двадцатилетнее тело. Хирург выскребал кровавую кашу у нее между ног. Взгляд Вики приковало к красной трещине. Там внутри было что-то живое, что испытывало боль и ужас, безграничные как Вселенная. И вдруг это прекратилось. Вика почувствовала душу нерожденного ребенка, которая словно бабочка, устремилась на свет медицинской лампы, и исчезла. Вика не могла последовать за ней, это было видение прошлого, которое она разглядела по связывающей ее с Макаром нити. Доктор тем временем взял длинные металлические щипцы, засунул их в Вику, внутри что-то еле слышно хрустнуло, но боли уже не было. Внутри был труп, вернее, остатки маленького трупа.

Понимание навалилось на Вику десятилонной тяжестью. Что-то придавливало ее к земле. «Если ад существует, – думала она, – я должна попасть в ад!» От этой мысли Вика стала проваливаться куда-то. Ее окружили неприятные хрюкающие звуки. Голоса, крики, стенания слышались со всех сторон. Было тесно, темно, что-то охало и копошилось, влажно дотрагиваясь до ног и лица. От отвращения Вика закричала, и стала карабкаться вверх. И все вокруг тоже стало карабкаться, какие-то холодные отвратительные сущности ползли и взбирались по ней. Ее затаптывали, толкали и били со всех сторон, и она тоже топтала и била. Это длилось долго. Вика потеряла понимание, куда лезет, где верх, где низ. У нее кончились силы, и она проваливалась глубже, глубже – в темный и беспросветный сон.

Она проснулась в своей постели и не могла понять, какой сегодня день. Было ощущение, что она вынырнула из сна, словно из бездны. Вика вспомнила, что мертва, и тут же подумала про своих сыновей.

В зале суда народа было мало. Юрик, его отец, свекровь Вики. Несколько незнакомых людей. Перед судьей, некрасивой полной женщиной с застывшим лицом, за столами напротив сидели две женщины помоложе с такими же равнодушными заспанными лицами: адвокат и прокурор. Мать Макара в первом ряду тихо плакала,

закрываясь руками. Сам Макар сидел в клетке на широкой деревянной скамье, уперев локти в колени и обхватив голову. Вика приникла к нему, и ощутила, что он раздавлен. Он предчувствовал свою судьбу и старался смириться с тем, что его прежняя жизнь кончится, и начнется другая, пугающая и неизвестная.

Юрик, сидящий в другом конце зала, тоже был раздавлен. Его удерживала от апатии ненависть. Ему хотелось бороться, бить, рвать на куски убийцу своей матери. Он то и дело сдавливал челюсти и с силой сжимал кулаки.

Судья что-то читала. Вика не сразу это заметила, она металась между сыновьями, которым уже никак не могла помочь. «Дети мои, мальчики!» – шептала она, пытаясь обнять обоих. Душа ее, испытывая то же, что и они, старалась внутри себя примирить их, но это не удавалось. Вика разрывалась от боли в центре самой себя, там, где раньше находилось сердце.

«Суд постановил признать вину подсудимого Тимофеева М.Н. по статье 264 пункт 3, в нарушении лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшим по неосторожности смерть человека...»

Голос судьи был необычно высоким для такой полной женщины: визгливый и назидательный. Вике хотелось, чтобы эта женщина замолчала, потому что она не знала и не понимала ничего в обстоятельствах этого дела. Вика видела, как убого ее правосудие, не имеющее ничего общего с той справедливостью, которую видела она сама.

Но судья продолжала: «Причиной смерти потерпевшей Усачевой В.Т. явилась травма позвоночника в виде множественный переломов позвонков шейного и грудного отделов...»

Вика слушала и не соотносила это собой. Она только чувствовала в словах угрозу. Что-то важное решалось в судьбах ее детей, и она должна была повлиять на решение, облегчить, сгладить, смягчить острые углы их судеб. Она пыталась найти хоть какую-

то возможность, зацепку, ниточку, на которую могла бы влиять.

Юрик и Макар были связаны между собой нитью сильного зловещего чувства, причиной которого была она. Такие же, менее насыщенные по цвету и эмоциям нити тянулись от Юрика к Викиной свекрови и отцу, а от Макара к его матери. Тонкие светящиеся провода, по которым в обе стороны бежало электричество, заряженные ионы эмоций. Или что-то другое, невидимое, но осязаемое Викой в ее посмертном состоянии. Тонкие, едва заметные нити связывали между собой остальных людей в зале. Вика поднялась над зданием суда, и увидела, что нити тянутся в разные стороны пространства, которое само сплетено из нитей, будто один большой клубок, смотанный чье-то огромной рукой. Вика посмотрела на свою руку, состоящую из живых переливающихся волокон. Нити из ее тела уходили в землю, в небо, за горизонт, переплетались с деревьями и травой. Все связано. Эта истина, которую Вика много раз слышала при жизни, теперь стала такой очевидной, невыносимой, обрекающей нести последствия всех своих дел, слов и мыслей. Нити хранили в себе все, и когда приходило время, они дергали, натягивались, принуждали что-то делать, думать и говорить. Даже теперь, когда Вика умерла, и ее нити разматывались, они вовсе не исчезали, а лишь распутывались, готовясь сплестись в новый узор.

Вика вернулась в зал суда. «... вышеизложенные обстоятельства, суд приговаривает Тимофеева М.Н. к наказанию в виде лишения свободы сроком на пять лет...».

У Вики в груди что-то лопнуло и зашипело, как от порвавшегося насосного шланга. Звук исходил отовсюду и в тоже время его издавала мать Макара, которая схватилась за сердце и сдавленно хрипела.

— Нет! Нет! — шептала она.

... дополнительное наказание в виде лишения права управлять транспортным средством...

– Его нельзя наказывать! Он мой сын! Слышите?

... заявили гражданский иск о взыскании с подсудимого Тимофеева М.Н. денежных сумм в счет возмещения ...

– Это я ему должна возместить! Слышите? Это я! Моя вина! Я во всем виновата! Я убила его!

Вика колотила в объемную спину судьи, обтянутую черной тканью, но та не прерывала чтение. словно безжизненный механизм, она монотонно исполняла свою работу.

Прошло много времени. Вика не могла сказать, сколько именно. Дни перестали существовать. Оказалось, что смену дня и ночи, сна и бодрствования задает сердце, телесный часовой механизм. Если тела нет, ритм становится ненужным, второстепенным, существующим по привычке до тех пор, пока привычка не растворится вместе с иллюзиями о теле.

Вике почти ничего не осталось. Она пересмотрела свою прошлую жизнь и потеряла интерес к ней. Вика очень устала. Она сидела в кресле у себя дома.

На диване, лицом в потолок, лежал Юрик. Он еще тосковал по матери, и тоска заслоняла жизнь. Все тускнело, куда бы он не посмотрел. Вика плакала без слез, глядя на сына. Она не могла ни помочь, ни утешить. Не могла она ничего сделать и для Макара, который лежал теперь на нарах в камере и так же смотрел в потолок. Оба мальчика были так удивительно и мучительно похожи, что Вика перестала различать, кто из них кто.

Ее восприятие все более расширялось, смещалось и путалось. Она старалась не думать ни о чем, потому что малейшая мысль переносила ее в другое место и время, заставляя переживать что-то из прошлого, настоящего и, возможно, будущего. Вика выдохлась. Хотелось спрятаться куда-нибудь от новой реальности, в которой все накладывалось, путалось и слоилось. События следовали не одно за другим, а все вместе, связкой нитей, которые одновременно распутывались и запутывались

сильней. Внимание Вики рассыпалось, сама она распылялась и расползалась на чувства, которые уже не имели смысла. Усилием воли она концентрировалась на сыне. Это Юрик или Макар? Она забыла. Но эта привязанность на некоторое время удерживала ее.

Когда она снова собрала свое расползающееся внимание, она увидела, что Юрик не один. Рядом с ним была девушка. Лара. Она сидела у Юрика на коленях и целовала его напряженное, сдержанное лицо.

– Я не могу, Ларик!

– Уже месяц прошел. Что же теперь, не любить друг друга? Надо жить. Я уверена, твоя мама этого бы хотела.

Юрик размяк и позволил Ларе себя целовать.

Вика кинулась к нему, между ними. Это был ее мальчик. Она не могла потерять. По-крайней мере, не сейчас, когда он – единственное, что у нее осталось. Может быть позже, когда сознание окончательно перестанет существовать.

Но призрачное тело Вики не могло разделить любовников. Ни Юрик, ни Лара ее не заметили. Они продолжали делать то, для чего создала их природа. И Вика невольно стала с ними единым целым, одним и другим, и в тоже время становилась чем-то третьим, обретая телесность, пока еще неуверенную, тонкую, едва заметную материальную сущность, которая успокаивалась, убаюкивалась в чем-то новом для нее.

Об авторе: МАРИЯ КОСОВСКАЯ

Родилась в Москве, детство провела в городе Веневе Тульской области. Первое образование – Московский Горный Университет. Второе – Литературный институт им. Горького, отделение прозы, семинар Орлова В.В. и Михайлова А.А. Посещала творческую мастерскую «Повести Белкина» под руководством Антонова А.К. Публиковалась в журналах «Тверской бульвар», «Литературная учеба», «Волга», в интернет-журналах: «ТЕКСТ.express»,

«Сетевая словесность», «Литературный оверлок» и других.
Hekayalar